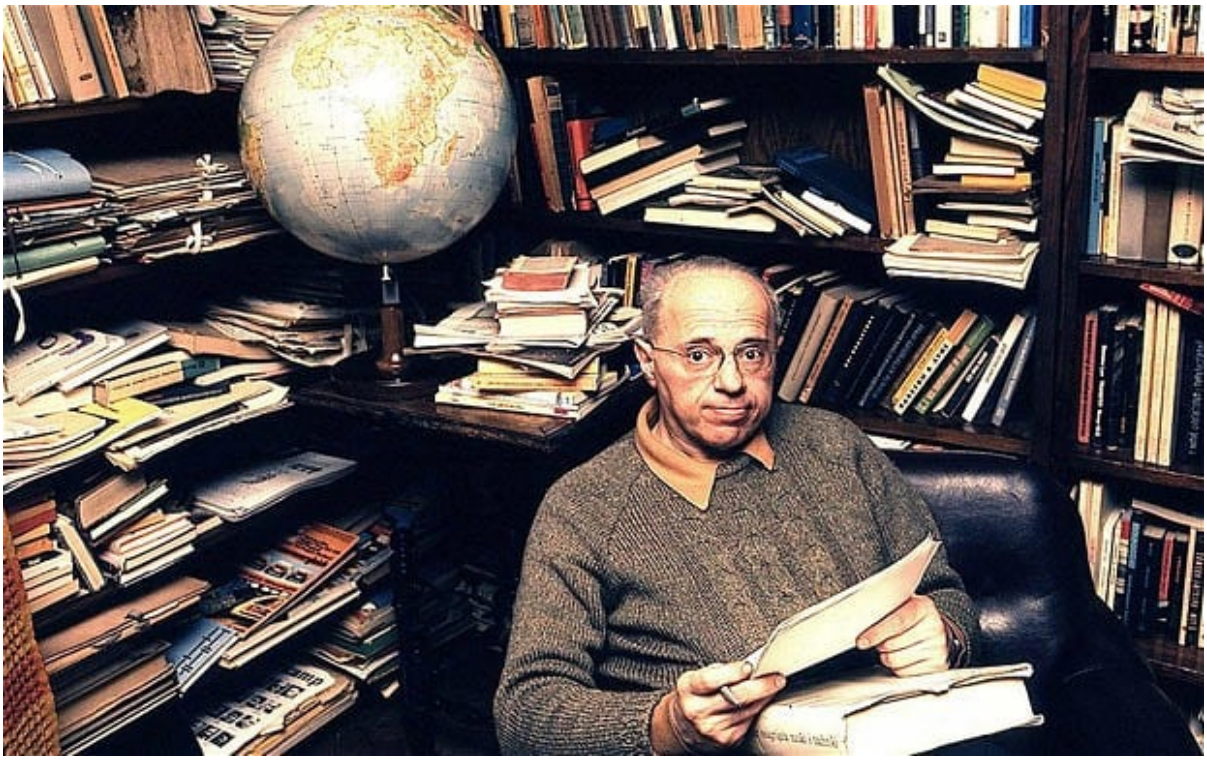
Culture.pl: Холокост и львовская юность повлияли на творчество Станислава Лема



Станислав Лем

Правда ли, что за футуристическими сценами в книгах Станислава Лема кроется травматический опыт автора, пережившего Холокост? Писатель-фантаст Станислав Лем считается одним из самых известных польских авторов XX века. Его книги переведены на множество языков и проданы миллионными тиражами, а некоторые произведения (например, «Солярис») легли в основу фильмов. Многие из смелых футуристических прогнозов Лема сбылись, а в последние годы стала очевидной провидческая глубина его размышлений о темной стороне технического прогресса.

В книге «Zaglada i Gwiazdy» («Холокост и Звезды») исследовательница творчества Лема Агнешка Гаевская доказывает, что за яркими и смелыми образами будущего скрывается прошлое самого писателя, чудом избежавшего гибели во время львовского погрома и потерявшего всех родственников в Холокосте. Всю свою жизнь Лем отказывался говорить о

пережитом в годы войны и о своем еврейском детстве и юности. Выясняется, что вместо этого он зашифровал воспоминания в текстах своих произведений. Как пишет Гаевская, они появляются неожиданно в «с виду случайных анекдотах, внезапных сюжетных поворотах и гротескных образах», и это объясняет, почему они так долго оставались невидимыми для читателей и ученых.

Лемберг

Станислав Лем родился во Львове (польское название Lwow, немецкое — Lemberg) в 1921 году, всего через три года после того, как бывшая столица Галиции, восточной провинции Австро-Венгерской империи, вошла в состав Польши. Его отец Самуил Лем — уважаемый врач — и мать Сабина (урожденная Воллер) были ассимилированными польскими евреями.

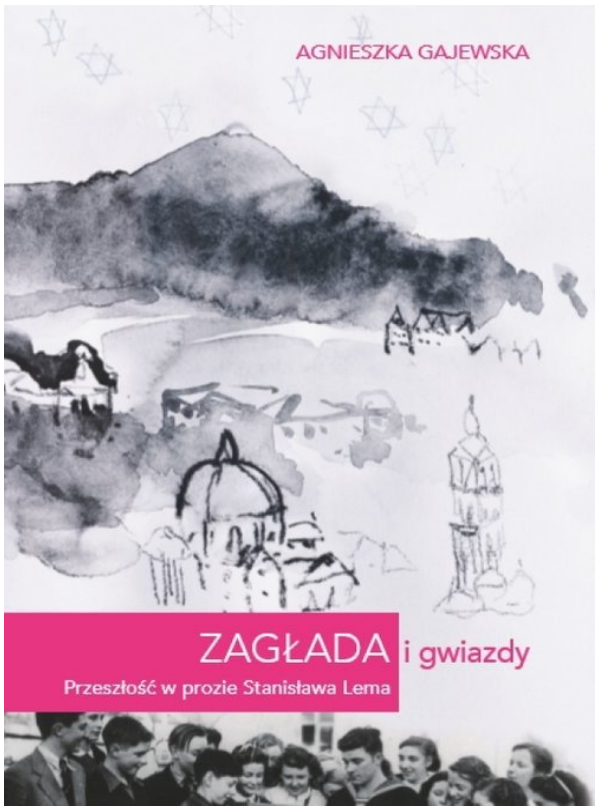
В автобиографии «Высокий замок» Лем пишет, что у него было счастливое, почти идиллическое детство в окружении любящих родителей и множества кузин, тетушек и дядюшек, однако те — и это показательно — на страницах его книг всегда появляются анонимно.
Рассказывая о детстве, Лем утверждал, что узнал о своем еврейском происхождении лишь после принятия Нюрнбергских законов. Гаевская уверена, что это не так: родители Лема стояли под хупой в синагоге и принимали активное участие в жизни еврейской общины Львова, в частности, жертвовали деньги на религиозные цели, а их сын посещал уроки иудаизма (и получал самые лучшие оценки). Все это можно считать доказательством того, что Лемы не порывали окончательно со своими еврейскими корнями.

Когда в 1941 году нацисты заняли Львов, Станиславу было двадцать. Гаевская первой реконструировала его биографию тех мрачных лет и обнаружила факты, до сих пор окутанные тайной. В частности, тот факт, что Лем выжил в так называемом Львовском погроме 30 июня 1941 года, когда ему пришлось выносить трупы расстрелянных заключенных из тюрьмы «Бригидки», а затем чудом уцелел во время массовых расстрелов на улицах Львова. Его спас неожиданный приезд съемочной группы из Германии, из-за чего казнь отменили (эту сцену он позже зашифровал в своем научно-фантастическом романе «Глас Господа»). Вероятнее всего, следующие несколько месяцев Лем провел в львовском гетто, откуда сбежал по поддельным польским документам, позволившим ему устроиться на работу в

немецкую компанию Rohstofferfassaung. Его родители все годы оккупации прятались в разных местах во Львове.

Когда после войны стало ясно, что Львов окажется за пределами Польши, семья перебралась в Краков. К тому времени почти все многочисленные родственники Лема — все анонимные тетушки и дядюшки из «Высокого замка» — погибли, будучи убиты во Львове или концлагере Белжец. Последнего родственника Лема убили уже после войны в ходе погрома в городе Кельце.

Всю жизнь Лем, будучи мастером двусмысленности, тщательно маскировал реальные факты. Тем не менее Гаевская уверена, что ужасные события тех лет отразились как в научной фантастике писателя, так и в реалистической прозе, созданной им в самом начале карьеры.



Книга «Холокост и Звезды» Агнешки Гаевской

Львовский дом, где прошло детство писателя (ул. Б. Лепкого, 4)

Зашифрованный Львов

Военная реальность появляется уже в первом романе Станислава Лема — «Больница Преображения». Его действие происходит во время войны в

психиатрической клинике, где доктора готовятся к неминуемому приходу нацистов. Главный герой, доктор Стефан Тшинецкий, — поляк того же возраста, что и сам Лем на момент написания романа. В тексте не раз повторяется, что стоит Тшинецкому перестать бриться, как он становится похож на еврея.

Гаевская заметила еще одну (архитектурную) деталь, которая на первый взгляд кажется несущественной — «башню не то в турецком, не то в мавританском стиле», возвышающуюся над дальним корпусом больницы. Литературовед опознала в ней львовский госпиталь св. Лазаря. Построенная в конце XIX века и расположенная неподалеку от дома Лема башня была узнаваемым элементом городского пейзажа.
Исследовательница полагает, что таким зашифрованным образом в романе Лема отражена не только военная трагедия пациентов психиатрической клиники, но и судьба еврейского населения Львова. Кроме того, это еще и часть сложнейшей игры с коммунистической цензурой в послевоенной Польше.

Следовательно, всю эту историю можно считать не просто иносказанием или философской притчей, но и рассказом о доле еврейских жителей Львова, захваченного Советским Союзом, людей, о которых нельзя писать и о страданиях которых никто не желает слушать.
Тема войны и Холокоста звучит и в двух других романах Лема, в один из которых Лем включил главу под названием «Операция «Рейнгард», в которой подробно описывается концлагерь Белжец, где, скорее всего, погибли многие родственники писателя.

Тем более удивительно, что в автобиографии «Высокий замок», рассказывающей о детских годах, проведенных во Львове, Лем по непонятной причине умалчивает о любых еврейских аспектах своего детства, да и о присутствии евреев в городе в целом. Гаевская считает, что Лем сознательно выбрал такую стратегию — не обсуждать свое еврейское прошлое.

Астронавты с синдромом выжившего

Похожим образом Гаевская обнаружила следы львовских военных воспоминаний в более известных произведениях Лема. Писатель контрабандой пронес Холокост и свои воспоминания о нем в космос, чтобы мы

смогли найти их много лет спустя. Отныне это показания выжившего.

Образы главных героев порой напоминают беженцев, странствующих через далекие галактики. «Возникает чувство, будто им некуда возвращаться», — пишет Гаевская.

Герой одного из ранних научно-фантастических романов Лема «Возвращение со звезд» по имени Эл Брегг возвращается на Землю из космической экспедиции и находит родную планету совершенно неузнаваемой (из-за замедления времени он возвращается на Землю спустя сто двадцать семь лет, хотя для него путешествие заняло всего десять лет). Элу не дают покоя воспоминания о гибели его коллег-астронавтов. Психиатр, которого Гаевская считает alter ego самого Лема, советует ему ни с кем не делиться этими воспоминаниями, ведь рассказывая другим о пережитом, он лишь усугубляет свою изоляцию. Это роднит Брегга с типичными выжившими в катастрофе. Кажется, будто он не сможет жить нормальной жизнью…

Затем он случайно становится свидетелем селекции роботов для последующего уничтожения, и эта сцена, по мнению Гаевской, очень напоминает события середины XX века. Увиденная «механическая агония» приводит Брегга к нервному срыву. Таким образом, в Брегге Лем вывел образ выжившего в Холокосте, который возвращается в мир, где ему нет места, и с этим ему приходится как-то жить.

Станислав Лем, 1934

Лем в послевоенной Польше, 1947

Холокост роботов и робот-диббук

Гаевская обнаружила множество скрытых аллюзий на Холокост в самом известном научно-фантастическом цикле Лема «Рассказы о пилоте Пирксе». Исследовательница доказывает, что один из рассказов — в котором группа людей на космическом корабле невольно становится свидетелем смерти экипажа другого космического корабля, после чего спокойно возвращается в зал для танцев — можно считать проявлением темы равнодушия обывателей к страданиям людей во время Холокоста, происходящим прямо на их глазах.

В другом классическом произведении Лема — «Звездные дневники Ийона Тихого» — герой прибывает на планету, которой правят взбунтовавшиеся роботы, судя по всему научившиеся ужасающей жестокости от людей. Кульминацией становится макабрическая сцена, напоминающая селекции в лагерях смерти, когда роботы, вооруженные топорами, проводят отбор человеческих детей.

По мнению Гаевской, в этом фрагменте, написанном стилизованным барочным языком, автор прибегнул к иронической дистанции, чтобы уйти от возможных

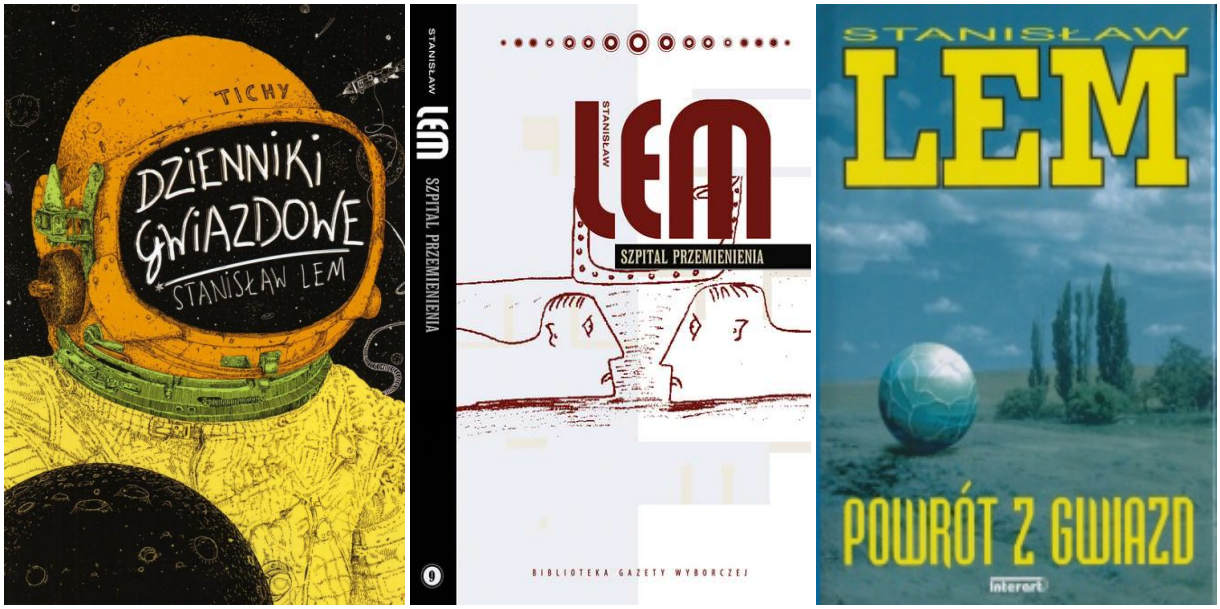
ассоциаций с геноцидом евреев. У этого жуткого и гротескного изображения Холокоста нет равных в польской литературе. В дальнейшем читателю открывается истинная причина столь ужасного поведения роботов (оказывается, это люди, переодетые роботами), а в конце звучит горький ироничный вывод: «Утешительно все же думать, что лишь человек способен быть проходимцем».

В рассказе «Терминус» — перед нами робот, оказавшийся единственным выжившим свидетелем гибели всех членов экипажа космического корабля в результате столкновения с метеоритным потоком. Выясняется, что в памяти травмированного робота сохранились последние записи членов экипажа, которые, находясь в разных отсеках, общались друг с другом посредством азбуки Морзе. Эта аудиозапись становится своего рода запиской в бутылке от погибших астронавтов. Но, как пишет Гаевская, умирающие члены экипажа продолжают жить внутри робота, тем самым он чем-то напоминает диббук. Перед Пирксом встает моральная дилемма: должен ли он выключить (или скорее «уничтожить») робота, стерев тем самым ужасные воспоминания, но вместе с ними и следы существования тех людей.

Глас Господа: говорит Лем

Пожалуй, самый явный пример зашифровывания личного опыта в научно-фантастических произведениях Лема — это его роман 1968 года «Глас Господа». Главный герой, профессор Хогарт (судя по всему, alter ego Лема), рассказывает о том, что случилось с его другом, профессором Раппапортом, в годы войны. На первый взгляд, эта история никак не связана с основным сюжетом романа об установлении контактов с внеземными цивилизациями.

История, рассказанная Раппапортом Хогарту, включает ужасающую сцену расстрела евреев во внутреннем дворе тюрьмы в его родном городе в 1942 году. Раппапорт несколько часов ждал у стены своей очереди, как вдруг из-за неожиданного приезда в город съемочной группы казнь отменили. За это время он стал свидетелем гротескной сцены, когда какой-то еврей пытался убедить немцев, что он тоже немец, говоря при этом на идише. В том состоянии сцена эта показалась Раппапорту очень забавной. Затем, стоя перед расстрельной командой в ожидании собственной смерти, он решает обратить свои мысли к реинкарнации.



Книги Станислава Лема

Лишь несколько лет спустя, в 1972 году, в письме своему американскому переводчику Майклу Кэндлу, Лем впервые признался, что история Раппапорта, рассказанная Хогартом, — это его собственная история.

Лем и конец человека

В рецензии 1962 года на роман Альбера Камю «Чума» Лем пишет, что роман-притча французского автора не может потрясти людей, ставших свидетелями гораздо более жестоких событий, и вряд ли он говорил не о себе.

Если Гаевская верно восстановила ход мысли Лема, такие люди не в состоянии отождествить себя с похоронными процессиями над описанными в «Чуме» рвами, полными человеческих тел, просто потому, что в мире Камю на похороны ходят, чтобы скорбеть и оплакивать умерших. При этом Лем понимает, что художественное произведение не может бесконечно повторять фразу «мыло из человеческого жира». В то же время он подчеркивает, что художнику необходимо самому испытать чувство «полного сомнения в человеке». Этого опыта, пронзившего нашу реальность и наэлектризовавшего воздух, по мнению Лема, у Камю не было.

Миколай Глинский, culture.pl
публикуется в сокращении